

Ричард Шеридан

ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

«Школа злословия» — величайшая сатирическая комедия с идеальной интригой, ставшая незабываемым событием в лондонской театральной жизни конца XVIII века. Ее автором является видный политик и блестящий литератор английского Просвещения Ричард Бринсли Шеридан (1751-1816).

Вот уже более двух веков читатели и зрители пьес Шеридана не устают восхищаться остроумным повествованием о кознях губительницы добрых имен, председательницы «школы злословия» леди Снiruэл, а также ее окружения.

**Ричард Шеридан. Школа
злословия
Комедия в пяти действиях**

**Портрет, посылаемый миссис Крюю,
вместе с комедией «Школа
злословия» Р. Б. Шериданом**

Вы, вскормленницы колы Клеветы,
Доведшие поклеп до красоты,
Ужели нет на свете ни одной,
Настолько милой и совсем иной,
Чтоб даже вы хвалу воздали ей
Безмолвием и завистью своей?
Сейчас живой предстанет образец
На суд суровый ваших злых сердец.
Решите сами, верен ли портрет,
Иль то Любви и Музы легкий бред.
Сюда, о, племя многомудрых дев.
О сонм матрон, чей беспощаден гнев,
Чей острый взгляд и хмурые черты
Не терпят юности и красоты;
Вы, по природе хладные своей;
Вы в долгом девстве лютые как змей, —
Сюда, о, мастерицы сплесть навет,

Создать улики, если слухов нет!
О вы, чья память, сторожа порок,
Все, кроме факта, знает на зубок!
Сюда, о клеветницы, стар и млад,
Ходячее злословье, станьте в ряд,
Чтоб нашей теме был противовес,
Как гимну — пасквиль, как святому — бес.
Ты, Аморетта (это имя нам
Уже знакомо по другим стихам),
Приди и ты; пусть милый жар ланит
Твою улыбку робко оттенит,
И, с нежно-неуверенным лицом,
Мне послужи желанным образцом.
Муза, если б ты создать могла
Хоть слабый очерк этого чела,
Счастливой кистью вызвать на мольберт
Хоть бледный отцвет этих чудных черт,
Поэты бы воспели гений твой,
И Рейнольдс¹ бы склонился головой,
Он, в чьем искусстве более чудес,
Чем в чудесах Природы и Небес,
Он взору Дэвон давший новый жар,
Ланитам Грэнби — прелесть новых чар!
Нелегкий подвиг — дань хвалы принести

---

¹ Рейнольдс — известный английский художник конца XVIII века, особенно прославленный своими портретами, некоторые из которых упоминаются в следующих строках

Красе, чей разум презирает лесть!
Но, славя Аморетту, прав весь свет:
Пред нею, как пред небом, лести нет,
И, прихотью судеб, она одна
Правдивость нашу отрицать склонна!
От мод не краше, крася их сама,
Проста влеченьем вкуса и ума,
Скромна в движеньях, чуждая вполне
И сухости, и буйных чувств волне,
Она не ходит, на себя надев
Лицо богинь иль облик королев.
Ее живая прелесть, всякий раз,
Не поражает, а пленяет нас;
То не величье, но ее черты
Мы не измерим мерой красоты!
Природный цвет ее ланит так жив,
Что, создавая это диво див,
Вполне бы мог божественный творец
На них бледнее наложить багрец,
Велев затворнице прелестных стен —
Стыдливой Скромности — служить взамен.
А этих губ кто воспоеет вино?
Лишите их улыбки — все равно!
Сама Любовь как будто учит их
Движению, хоть не звучит на них;
Ты, видящий, не слыша эту речь,
Не сожалей, что звук не мог дотечь;
Смотри на эти губы, ты всегда

Беседу их постигнешь без труда:
Они повиты прелестью такой,
Что полон думы самый их покой!
Но если взглянешь на игру лучей
Волшебно-нерешительных очей,
Следя, как часто, манием ресниц,
Бывает прерван пламень их зарниц,
Ты в них увидишь: крошка Купидон,
Своей опасной должностью смущен,
То скроет, то откроет дивный луч,
Который взорам смертных слишком жгуч.
От этих стрел, ласкающих разя,
В беззлобных ямочках спастись нельзя
Хотя бы сердце в ней и не могло
Жестоким гневом ополчить чело,
Я кознями Любви поклясться рад —
Ее улыбка гибельней стократ!
При виде той, что получила в дар
Всю полноту, всю яркость женских чар,
Мы были бы должны тщеславный нрав
Отнести к числу ее природных прав.
Но Аморетта, в милой простоте,
Сама своей не верит красоте
И стрелы чар, разящие кругом,
Невинно хочет оперить умом:
Всех женских знаний совмещая груз,

Воспитанница Грэвиля² и Муз,
Любя учиться, помня грань пути,
Докуда можно женщине итти,
Она бы Фебу, если б встарь жила,
Не жрицей, а возлюбленной была,
С застенчивою робостью очей
И кроткою покорностью речей;
Как ни разумно говорит она,
В ней словно неуверенность слышна;
И, этой женской прелестью дыша,
Как разум мил, как мудрость хороша!
Ее дары, ее душевный склад
О сердце, дружном с мыслью, говорят:
Веселость, оттененная мечтой,
Насмешливость в союзе с добротой,
Брезгливость, скрытая не без труда,
Страх пред талантом, чем она горда.
Умолкни, Муза! Песнь свою прерви
И похвалу бессильной назови;
Поэзия достигнуть не могла
Ее достоинств, но твоя хвала
Смутила хор завистниц красоты
И омрачила царство Клеветы!

---

² Джордж Грэвиль — член парламента и министр в кабинете Питта — был известен своим благородством, воспитанностью, знанием всех светских обычаев; от Питта он получил прозвище «gentle shepherd» — «благородный пастырь».

Все эти ведьмы, черствым языком,
Шипят, что этот облик им знаком,
И называют ту, кого пою,
Вас, мой прообраз и мой гений — Крюю!

Действующие лица:³

Сэр Питер Тизл.
Сэр Оливер Сэрфэс
Сэр Гарри Бэмпэр
Сэр Бэнджамэн Бэкбайт.
Джозэф Сэрфэс.
Чарльз Сэрфэс.
Кэйрлесс.
Снэйк.
Крэбтри.

---

³ Драматурги эпохи Шеридана очень часто выбирали имена действующих лиц так, чтобы в них отражался характер того или иного человека. Этим приемом пользуется и Шеридан в «Школе злословия». Имя «Тизл» — взято от глагола to tease — раздражать, сердить; «Сэрфэс» — наружность; «Бэмпэр» — полный до краев стакан; «Бэкбайт» — от глагола to backbite — злословить за глаза; «Кэйрлесс» — беззаботный, легкомысленный; «Снэйк» — змея; «Крэбтри» — дерево — дикая яблоня; «Раули» — от Row — шум, суматоха; «Трип» — обмолвка; «Снируэл» — насмешница; «Кэндэр» — откровенность.

Раули.
Мозэс.
Трип.
Лэди Тизл.
Лэди Снизуэл.
Миссис Кэндэр.
Мария.
Джентльмэны, горничная и слуги.

Место действия — Лондон.

Пролог, написанный мистером Гарриком.⁴

«Школа злословья»? Полно! Неужели
Без школы мы злословить не умели?
Какие тут уроки могут быть?
Еще бы нас учили есть и пить!
Когда красавиц наших, ту иль эту,
Тревожит печень, — дайте им газету;
В ней сильнодействующих — quantum satis;
Чего бы вы ни пожелали — нате-с.
«О боже!» — лэди Уксус (что не прочь

---

⁴ Гаррик — известный актер эпохи Шеридана, директор лондонского театра Друри-Лэйн, где впервые была поставлена «Школа злословия».

За картами прощebetать всю ночь),
К полудню встав, свой крепкий чай мешает
Со сплетнями — Как это освежает!
Дай мне газету, Лисп, — как хорошо!

(Отхлебывает.)

«Вчера лорд Л.

(отхлебывает)

был пойман с лэди О.».
Как это помогает от мигрени!

(Отхлебывает.)

«Хоть миссис Б. и опускает шторы,
«Сквозь них легко проникнут наши взоры».
Да, это зло; жестокая заметка;
Но, между нами

(отхлебывает),

право, очень метко.
Ну, Лисп, читайте вы, отсюда вот!
Так-с!
«Пусть лорд К., тот самый, что живет
«На Гровнор Сквэр, себя побережет:

«Хоть лэди У. он и дороже сына,
«Но уксус горек». — «Это я! Скотина!
Сейчас сожгите, и чтоб в дом мой эту
Впредь не носили подлую газету!»
Так мы смеемся, если кто задет;
А нас заденут, — смеха больше нет.
Ужель наш юный бард так юн, что тщится
От моря лжи плотиной оградиться?
Иль он так мало знает грешный мир?
С нечистой силой как вести турнир?
Он биться с грозным чудищем идет:
Срежь Сплетне голову, — язык живет.
Горд вашей благосклонностью былой,
Наш юный Дон Кихот вновь вышел в бой;
В угоду вам, он обнажил перо
И жаждет Гидре погрузить в нутро.
Дабы снискать ваш плеск, он будет, полон
пыла,
Разить, — то бишь писать, — пока в руке есть
сила,
И рад пролить для вас всю кровь, — то бишь
чернила.

Действие I

Сцена I

Уборная лэди Снируэл.

Лэди Снируэл за туалетом. Снэйк пьет шоколад.

Лэди Снируэл . Итак, м-р Снэйк, все напечатано?

Снэйк . Да, милэди; я сам переписывал измененным почерком, так что никто и не догадается, откуда все это идет.

Лэди Снируэл . А что, распустили вы слух о связи лэди Бритл с капитаном Бостол?

Снэйк . Я повел это так тонко, что лучше и желать нельзя. Если все пойдет нормально, то, я думаю, слух достигнет до ушей м-с Клаккит в двадцать четыре часа, а уж тогда, вы знаете, — дело сделано.

Лэди Снируэл . Да, это верно: у миссис Клаккит большой талант и много усердия.

Снэйк . Совершенно справедливо, миледи; и до сих пор действовала она не без успеха. По моим сведениям из-за нее расстроилось шесть свадеб, три сына лишились наследства, случилось четыре скандальных побега и столько же арестов, девять супружеских пар разъехались и две

развелись. Кроме того, в журнале «Столица и провинция» она печатает происходившие tête-à-tête разговоры людей, которые даже и в глаза друг друга не видели. Я не раз ее на этом ловил.

Лэди Снируэл . Да, конечно, она талантлива, но грубовата.

Снэйк . Совершенно справедливо. Вообще она описывает недурно, язык у ней свободный и смелое воображение; но краски она кладет слишком густо и часто хватает через край. Ей недостает той мягкости колорита, той приятной, веселости, какою отличается злословие вашего сиятельства.

Лэди Снируэл . Вы пристрастны, Снэйк.

Снэйк . Нимало. Лэди Снируэл словом или взглядом выразит больше, чем иные подробнейшим описанием, хотя бы на их стороне и была крупца истины. Это всем известно.

Лэди Снируэл . Да, милейший Снэйк; без всякой ложной скромности, я скажу, что удовлетворена своими успехами. В юности и меня ранил ядовитый язык сплетни, и с той поры я не знаю наслаждения выше, чем доводить репутацию других до уровня моей собственной.

Снэйк . Это вполне понятно. Но знаете, лэди Снируэл, что касается последнего вашего поручения, то тут, признаюсь, ваши намерения мне не ясны.

Лэди Снизуэл . А, это насчет моего соседа, сэра Питера Тизл и его семейства?

Снэйк . Вот, вот! Речь идет о двух молодых людях, для которых сэр Питер со времени смерти их отца был как бы опекуном; у старшего — превосходный характер, и о нем говорят только хорошее; младший — самый распущенный и сумасбродный юноша во всем королевстве; у него нет ни друзей, ни доброго имени; первый — ваш призванный поклонник и, видимо, пользуется вашею благосклонностью; второй влюблен в Марию, воспитанницу сэра Питера, и бесспорно любим ею. При таких обстоятельствах для меня совершенно непонятно, почему бы вам, имеющей после смерти мужа хорошее имя и хорошее состояние, не вступить в союз с человеком, имеющим такую репутацию и будущность, словом — с м-ром Сэрфэсом. И еще более непонятно, почему это для вас так важно расстроить взаимную привязанность его брата Чарльза и Марии.

Лэди Снизуэл . Ну, чтобы сразу же объяснить эту тайну, я должна сказать вам, что в моих отношениях к м-ру Сэрфэсу любовь совершенно не при чем.

Снэйк . Нет!

Лэди Снизуэл . На самом деле — он влюблен в Марию, или в ее приданое. Но он нашел счастливого соперника в своем брате, и ему

пришлось замаскировать свои намерения, а также прибегнуть к моей помощи.

Снэйк . И все-таки для меня остается загадкой, почему вы заинтересованы в его успехе.

Лэди Снируэл . Боже, как вы бестолковы! Неужели же вы не можете догадаться о слабости, которую я из стыда до сих пор скрывала даже от вас? Не прикажете ли мне сознаться, что только ради Чарльза, — ради этого гуляки, этого сумасброда, потерявшего состояние и репутацию, — я так беспокоюсь и злюсь? Я всем готова пожертвовать, чтобы только завладеть им.

Снэйк . Ну, вот, теперь ваша тактика мне понятна. Но что же вас так сблизило с м-ром Сэрфэсом?

Лэди Снируэл . Наша взаимная выгода. Я давно разгадала его. Я знаю, что он ловок, себялюбив и зол, короче, это — умный плут, тогда как сэр Питер и все знакомые Джозэфа Сэрфэса считают его чудом ума и доброты.

Снэйк . Да, сэр Питер уверяет, что нет ему равного во всей Англии; особенно расхваливает его, как человека высокой морали.

Лэди Снируэл . Вот этой самой моралью и своим ханжеством м-р Сэрфэс совсем покорила старика, и тот выдаст за него Марию. А у бедного Чарльза нет ни одного друга в доме, но я боюсь, у него сильный друг в сердце Марии, —

против нее-то мы и должны направить нашу атаку.

Входит слуга.

Слуга . М-р Сэрфэс.

Лэди Снируэл . Проси. (*Слуга уходит.*)

Он всегда является примерно в этот час. Не удивительно, что его считают моим любовником.

Входит Джозэфф Сэрфэс.

Джозэф Сэрфэс . Дорогая лэди Снируэл, как ваше здоровье? М-р Снэйк, рад вас видеть.

Лэди Снируэл . Снэйк только что подшучивал над нашей взаимной привязанностью. Пришлось объяснить ему действительные наши намерения. Вы знаете, как он был нам полезен; поверьте мне, он стоит доверия.

Джозеф Сэрфэс . По-моему нельзя даже и сомневаться в человеке, одаренном такой пронизательностью и таким вкусом.

Лэди Снируэл . Ну, ну, без комплиментов. Скажите мне лучше, когда вы видели вашу возлюбленную Марию, — или нет: вашего брата?

Джозэф Сэрфэс . Ни того, ни другой я не видел после моего последнего свидания с вами; могу, впрочем, сказать вам, что они не встречались

друг с другом. Некоторые из ваших историй хорошо подействовали на Марию.

Лэди Снируэл . Ну, милейший Снэйк, это уж ваша заслуга! А как ваш брат? Дела его все хуже?

Джоэф Сэрфэс. Час от часу. Мне говорили, что вчера опять наложили арест на его имущество. Словом, его расточительность и сумасбродство неслыханны.

Лэди Снируэл . Бедный Чарльз!

Джоэф Сэрфэс . Да, несмотря на все его пороки, о нем нельзя не пожалеть. Бедный Чарльз! Если бы я только мог по-настоящему помочь ему! Человек, который оставляет брата своего в несчастьи, даже если тот заслуживает этого своими пороками, — такой человек...

Лэди Снируэл . О, боже, вы, кажется, собираетесь читать проповедь! Не забывайте, что тут — ваши друзья.

Джоэф Сэрфэс . Вы правы. Я приберегу эту сентенцию для сэра Питера. Как бы то ни было, но ведь это сущее благодеяние — избавить Марию от кутилы, которого если и может кто-нибудь исправить, то разве только особа с такими высокими совершенствами и с таким умом, как у вас.

Снэйк . Мне кажется, лэди Снируэл, сюда идут посторонние. Пойду переписывать

письмо, о котором говорил вам. М-р Сэрфэс — ваш всепокорнейший...

Джоэф Сэрфэс . Сэр, свидетельствую вам свое глубочайшее... (*Снэйк уходит.*) Лэди Снируэл, очень жаль, что вы доверились этому типу.

Лэди Снируэл . Почему же?

Джоэф Сэрфэс . Я не раз заставлял его в беседах со старым Раули, который прежде был дворецким у моего отца и, как вам известно, никогда не был мне другом.

Лэди Снируэл . И вы думаете, что он может изменить нам?

Джоэф Сэрфэс . Нет ничего вероятнее. Верьте моему слову, лэди Снируэл, у этого человека не хватит совести быть верным даже собственной своей подлости. Ах, Мария!

Входит Мария.

Лэди Снируэл . Мария, дорогая моя, что с вами? Что случилось?

Мария . Этот противный мой поклонник, сэр Бэнджамэн Бэкбайт, только что явился к моему опекуну со своим несносным дядей, Крэбтри. Я ускользнула и прибежала сюда, чтобы не встретиться с ними.

Лэди Снируэл . И это все?

Джозэф Сэрфэс . Если б мой брат был в их компании, может быть, вы бы их так не испугались?

Лэди Снируэл . Не придирайтесь. Мария просто услышала, что вы здесь, — ручаюсь, в этом все дело. Но, дорогая моя, что такое вам сделал сэр Бэнджамэн? Почему вы его так избегаете?

Мария . Мне он ничего не сделал, но я не выношу его языка. Его разговор — это сплошной пасквиль на всех его знакомых.

Джозэф Сэрфэс . Да, и хуже всего то, что нет никакой выгоды быть с ним незнакомым. Он такой же охотник насплетничать про незнакомого, как и про своего лучшего друга; да и его дядя — тоже не лучше.

Лэди Снируэл . Нельзя же так, нужно быть снисходительной. Сэр Бэнджамэн — человек остроумный, и он — поэт.

Мария . Что касается меня, то, право, остроумие теряет в моих глазах, если оно неразлучно со злостью. Как вы думаете, м-р Сэрфэс?

Джозэф Сэрфэс . Ну, конечно — так! Улыбаться шутке, которая должна уколоть нашего ближнего — это значит быть соучастником злодеяния.

Лэди Снируэл . Ну! Невозможно быть

остроумным без некоторой доли злости; в злости вся соль. Как ваше мнение, м-р Сэрфэс?

Джозэф Сэрфэс . Совершенно правильно: если запретить в разговоре насмешку, он непременно покажется скучным и безвкусным.

Мария . Хорошо, я не стану спорить, насколько допустимо злословие; но уж в мужчине-то оно всегда противно. В нас есть тщеславие, зависть, соперничество и тысячи причин ставить ни во что друг друга; но мужчина-сплетник должен обладать трусостью женщины, чтобы решиться на клевету.

Входит слуга.

Слуга . Миссис Кэндэр ждет внизу. Если у вашего сиятельства есть время, она выйдет из кареты.

Лэди Снируэл . Просите ее войти. *(Слуга уходит.)* Вот, Мария, особа в вашем вкусе: хоть м-с Кэндэр немного и болтлива, но все согласны, что она добрейшая и превосходнейшая женщина.

Мария . Да, щеголяя своим добродушием и доброжелательством, она делает больше зла, чем явная злость старого Крэбтри.

Джозэф Сэрфэс . Честное слово, лэди Снируэл, — это верно; всякий рад, как я слышу, что

разговор начинает переходить на репутации моих друзей, я больше всего боюсь за них, если их примется защищать миссис Кэндэр.

Лэди Снизуэл . — Шш... — вот она!

Входит миссис Кэндэр.

М-с Кэндэр . Дорогая моя лэди Снизуэл, мы не виделись целую вечность! М-р Сэрфэс, что слышно нового? Впрочем, мне все равно; ведь, я думаю, кроме дурного, ничего не услышишь.

Джоэф Сэрфэс . Именно так. Вы правы, сударыня.

М-с Кэндэр . А, Мария! Ну, милое дитя, как у вас с Чарльзом? Не вышло дело, а? Да, уж эти его сумасбродства... в городе ни о чем другом не говорят...

Мария . Очень жаль, что им больше нечего делать.

М-с Кэндэр . Верно, верно, дитя; да ведь рот людям не зашьешь. Мне приходилось слышать, — очень мне надо было это знать! — что ваш опекун, сэр Питер, и лэди Тизл не совсем-то поладили друг с другом. Сознаюсь: мне это было неприятно.

Мария . Удивительная наглость — лезть не в свое дело.

М-с Кэндэр . Совершенно верно, дитя,

но как же быть? Люди вечно болтают — ничего не поделаешь. Вот не далее, как вчера, мне передавали, что мисс Гадабаут убежала с сэром Филигри Флэрт. Но, боже мой, нечего обращать внимание на слухи; правда, этот слух идет из верного источника...

Мария . Такие сплетни просто возмутительны!

М-с Кэндэр . Именно так, дитя, это совершенно неприлично, да, неприлично. Но свет так любит сплетни — никого не пощадит. Ну вот, кто бы мог заподозрить в нескромности вашего друга, мисс Прим? Но люди так злы: они уверяют, будто на прошлой неделе ее дядя задержал ее как раз в тот момент, когда она садилась в Йоркский дилижанс со своим учителем танцев.

Мария . Я ручаюсь, что этот слух не имеет никаких оснований.

М-с Кэндэр . Ну, да — никаких оснований! Во всем этом, пожалуй, не больше правды, чем в истории насчет м-с Фестино и полковника Кассино, — помните? — об этом говорили прошлый месяц. Впрочем, этот случай так и остался невыясненным...

Джозэф Сэрфэс . Наглость иных клеветников просто чудовищна.

Мария . Это так, но по-моему одинаково виновны и те, кто разносит эти сплетни по городу.

М-с Кэндэр . Ну, ясно: пересказчики не лучше выдумщиков — это старое замечание и очень верное, но что же делать, скажите на милость? Как помешаешь людям болтать? Сегодня м-с Клаккит уверяла меня, что м-р и м-с Хонимун⁵ стали, наконец, настоящими мужем и женой. Она также намекнула мне, — что некоторая вдова, — она живет на соседней улице, — неожиданно оправилась от своей «водянки» и удивительнейшим образом приобрела прежнюю талию. А по словам мисс Таттл⁶ — она своими глазами это видела! — лорд Буффало застал свою супругу в доме довольно-таки неважной репутации; а сэр Гарри Букет и Том Соунтэр⁷ дрались на дуэли по тому же поводу. Но, боже мой, неужели вы думаете, что я стану распространять эти сплетни? Нет, нет! Пересказчики, повторяю, не лучше выдумщиков.

Джозэф Сэрфэс . Ах, м-с Кэндэр, если б все были так добродушны и снисходительны, как вы!

М-с Кэндэр . Откровенно скажу, м-р Сэрфэс, я терпеть не могу, когда на людей нападают за глаза; если даже какие-нибудь некрасивые факты говорят против моих знакомых,

---

⁵ «Хонимун» — медовый месяц.

⁶ «Таттл» — от глагола tattle — сплетничать.

⁷ «Соунтэр» — гуляка.

то я все-таки предпочитаю думать о них самое лучшее. Кстати, это ведь, надеюсь, не верно, будто бы ваш брат совершенно разорился?

Джозэф Сэрфэс . Боюсь, что его дела и в самом деле очень плохи.

М-с Кэндэр . Ах, я это слышала... но вы должны передать ему, чтобы он не падал духом: почти все идут к тому же — лорд Спиндл, сэр Томас Сплинт, капитан Квинз и м-р Никкит, — все они, я слышала, вылетят в трубу на этой неделе; так что, если Чарльз погиб, то он увидит, что и половина его знакомых разорилась, а это, знаете ли, утешение.

Джозэф Сэрфэс . Еще бы, и даже очень большое.

Входит слуга.

Слуга . М-р Крэбтри и сэр Бэнджамэн Бэкбайт. (*Уходит.*)

Лэди Снизуэл . Как видите, Мария, ваш обожатель преследует вас; теперь уж вам наверное не уйти от него.

Входят Крэбтри и сэр Бэнджамэн Бэкбайт.

Крэбтри . Лэди Снизуэл, целую ваши ручки. М-с Кэндэр, кажется, вы незнакомы с моим

племянником? Сэр Бэнджамэн Бэкбайт. Ей-богу, он очень неглуп и к тому же отличный поэт. Не так ли, лэди Снируэл?

Сэр Бэнджамэн . Ну, дядя, что это!

Крэбтри . Нет, ей-богу, это верно; по части ребуса или шарады он, по-моему, поспорит с лучшим стихотворцем в королевстве. Слышали ли вы, ваше сиятельство, его эпиграмму насчет того, как загорелись перья на шляпе лэди Фриزل?⁸ А ну, Бенджамэн, повтори ее. Или скажи шараду, которую ты экспромтом сочинил на вечере у м-с Драузи.⁹ Ну, как это: первое — название рыбы, второе — великий мореплаватель...

Сэр Бэнджамэн . Дядя, ну... пожалуйста.

Крэбтри . Честное слово, вы просто поразились бы, если б только слышали, какой он мастер на такие штуки.

Лэди Снируэл . Удивляюсь, сэр Бэнджамэн, почему вы это до сих пор не напечатали ни одной из своих вещей?

Сэр Бэнджамэн . По правде говоря, очень уж это вульгарно — печатать свои произведения. Мои безделушки — по большей части шутки и сатиры на отдельных лиц, и я

---

⁸ «Фриزل» — кудряшка.

⁹ «Драузи» — соня.

нахожу, что они лучше расходятся втихомолку, между друзьями этих лиц. Впрочем, у меня готово несколько любовных элегий, которые я думаю отдать на суд публики, но в том только случае, если они будут одобрены улыбкой этой лэди (*указывает на Марию*).

Крэбтри . Клянусь богом, милэди, он обессмертит вас. Вы будете известны потомству, как Петраркова Лаура или Уоллерова¹⁰ Сахарисса.

Сэр Бэнджамэн (Марии). Да, я думаю, они вам понравятся, когда вы их увидите в прекрасном томе in quarto, где милый ручеек текста будет струиться по нежному лугу страницы. Клянусь богом, эти элегантные стихи будут совершенством в своем роде!

Крэбтри . Все это прекрасно — но слышали ли вы новость?

М-с Кэндэр . Как, сэр, вы намекаете на слух о...

Крэбтри . Нет, нет не то. Мисс Найсли¹¹ выходит замуж за собственного лакея.

---

¹⁰ Петрарка — прославленный итальянский поэт (XIV в.); своей возлюбленной Лауре он посвятил целый ряд своих стихов. Эдм. Уоллер — английский поэт XVII в., современник Оливера Кромвеля; под именем «Сахариссы» в поэме Уоллера воспета лэди Доротея Сиднэй.

¹¹ От слова «nice» — красивый.

М-с Кэндэр . Не может быть!

Крэбтри . Спросите сэра Бэнджамэна.

Сэр Бэнджамэн . Это верно: дело решенное; уже заказаны свадебные... ливреи.

Крэбтри . Да — и говорят были причины спешить с этой свадьбой.

Лэди Снизуэл . Ну, я кое-что об этом и раньше слышала.

М-с Кэндэр . Этого не может быть, — и я удивляюсь, как можно верить сплетне насчет такой благоразумной лэди, как мисс Найсли.

Сэр Бэнджамэн . Да, боже мой, именно потому сразу и поверили. Она всегда была так осторожна и сдержанна, что для этого, конечно, были свои причины. Все в этом уверены.

М-с Кэндэр . Да, да: для репутации женщин ее типа скандал так же пагубен, как горячка для людей с крепким телосложением. И наоборот, слабые, болезненные, вечно прихварывающие репутации переживают сотню репутаций более прочных.

Сэр Бэнджамэн . Верно, милэди. Люди с плохой репутацией поступают так же, как люди с плохим здоровьем: зная свои слабые стороны, они избегают малейшего дуновения ветерка и заменяют недостаток жизненной силы заботливостью и осторожностью.

М-с Кэндэр . Хорошо, но все-таки это,

может быть, только сплетня. Вы знаете, сэр Бэнджамэн, из-за таких пустяков часто возникают самые несправедливые слухи.

Крэбтри . Что это так, я ручаюсь. Слышали ли вы, как мисс Пайпер этим летом в Тэнбридже потеряла жениха и доброе имя? Сэр Бэнджамэн, вы помните?

Сэр Бэнджамэн . О, конечно, — презабавная история.

Лэди Снизуэл . Как это было? Пожалуйста...

Крэбтри . Как-то вечером у м-с Понто зашел разговор о разведении у нас в Англии овец ново-шотландской породы. Одна из присутствовавших молодых лэди и говорит: «Я знаю такой случай: мисс Летиция Пайпер, моя кузина, купила ново-шотландскую овцу, от которой родились двойни». «Как! — восклицает вдовствующая лэди Дэндиззи (вы ведь знаете, она глуха, как колода), — как, — говорит, — у мисс Пайпер родились двойни?» Это недоразумение, как вы можете себе вообразить, вызвало взрыв хохота. На утро слух об этом пошел по всему городу, через три дня уже все поверили, что мисс Летиция Пайпер родила прехорошеньких мальчика и девочку, а через неделю уже стали называть имя отца и даже имя фермера, которому малютки отданы на воспитание.

Лэди Снизуэл . Странно!

Крэбтри . Это факт, уверяю вас. Ей-богу! М-р Сэрфэс, извините, правда ли, что ваш дядя, сэр Оливер, возвращается на родину?

Джозэф Сэрфэс . Насколько мне известно — нет, сэр.

Крэбтри . Долгонько он пробыл в Ост-Индии. Вы едва ли его помните, — правда, ведь? Плохое для него будет утешение, когда он вернется и узнает, до чего дошел ваш брат!

Джозэф Сэрфэс . Чарльз был неблагоразумен, сэр, это, конечно, так; но я надеюсь, никто не станет восстанавливать против него сэра Оливера. Он еще может исправиться.

Сэр Бэнджамэн . Конечно, может; что касается меня, то я никогда не думал о нем, что это человек без всяких принципов. Конечно, он растерял всех своих друзей, но я слышал, что евреи ни о ком так хорошо не отзываются, как о нем.

Крэбтри . Ей-богу, верно, племянник. Будь у евреев свое управление, я думаю, Чарльз был бы у них олдэрмэном; он у них так популярен, ей-богу! Я слышал, с него в год дерут столько же процентов, сколько с ирландского займа. А когда он болен, о его выздоровлении молятся во всех синагогах.

Сэр Бэнджамэн . Однако, никто не живет роскошнее его. Мне передавали, что когда он

угощает своих друзей, то за обед вместе с ним садится целая дюжина его поручителей; в это время десятка два кредиторов ждут в передней, а за каждым гостем стоит по судебному приставу.

Джоэф Сэрфэс . Вам, господа, это может быть и забавно, но вы совсем не щадите мои братские чувства.

Мария (*в сторону*). Эти сплетни невыносимы. (*Громко.*) Лэди Снируэл, я должна проститься с вами; мне нездоровится. (*Уходит.*)

М-с Кэндэр . Господи! Как она побледнела!

Лэди Снируэл . Пожалуйста, м-с Кэндэр? проводите ее: ей может понадобится ваша помощь.

М-с Кэндэр . С величайшим удовольствием. Бедная девушка! Кто знает, в каком она положении? (*Уходит.*)

Лэдис Снируэл . Ничего особенного. Все дело в том, что она не выносит нападков на Чарльза, несмотря на размолвку с ним.

Сэр Бэнджамэн . Явное доказательство, что она к нему равнодушна.

Крэбтри . Но, Бэнджамэн, из этого еще не следует, что ты должен от нее отказаться: ступай за ней и развесели ее. Почитай ей свои стихи. Пойдем, я тебе помогу.

Сэр Бэнджамэн . М-р Сэрфэс, я не имел

намерения огорчать вас, но будьте уверены, что ваш брат — человек конченный.

Крэбтри . Совсем, совсем конченный. Ей-богу! Ему и гиней не поверят в долг.

Сэр Бэнджамэн . И говорят, он уже распродал все, что только можно.

Крэбтри . Ничего не осталось, кроме нескольких незамеченных приставом пустых бутылок и фамильных портретов, и то, кажется, только потому, что портреты вделаны в стену.

Сэр Бэнджамэн . К сожалению, я слышал о нем и еще кое-какие скверные истории.

Крэбтри . Да, да, есть-таки за ним грешки, это уж верно!

Сэр Бэнджамэн (*уходя*). Впрочем, так, как он ваш брат...

Крэбтри . Мы вам все расскажем в другой раз.

Крэбтри и сэр Бэнджамэн уходят.

Лэди Снiruэл . Ха, ха! До чего тяжело им бросить такой сюжет, не обработав его до конца.

Джоэф Сэрфэс . Мне кажется, вам слушать все это было не более приятно, чем Марии.

Лэди Снiruэл . Может быть ее чувства сильнее, чем мы думаем. Вся семья будет здесь вечером, поэтому можете остаться здесь обедать:

нам представится случай для дальнейших наблюдений. Пока что, я пойду разработать план интриги, а вы готовьтесь к роли влюбленного. *(Уходят.)*

Сцена II

*Комната в доме сэра Питера Тизл.
Входит сэр Питер Тизл.*

Сэр Питер . Когда старый холостяк берет молодую жену, чего следует ждать? Уже шесть месяцев назад лэди Тизл, как говорится, сделала меня счастливейшим человеком, а на самом деле я несчастен, как собака. По дороге в церковь — мы уже немножко поспорили, а прежде чем отзвонили в колокола — мы уже великолепно переругались. Во время медового месяца я чуть не задохнулся от злости; и я потерял всякую отраду в жизни раньше, чем знакомые кончили меня поздравлять. А ведь, уж кажется, я выбирал осторожно: я взял девушку, воспитанную в деревне; верхом роскоши ей казалось шелковое платье, а наилучшим развлечением — ежегодный бал во время скачек. А теперь она так вошла во вкус всяких модных столичных дурачеств, как будто весь век свой не видела ни кустика, ни былинки дальше Гровенор-сквера. Знакомые издеваются

надо мной, а в газетах на меня пишут пасквили. Она бросает на ветер мои деньги и противоречит всякому моему желанию; но хуже всего то, что, боюсь, я люблю ее, иначе я не мог бы вынести всего этого. Как бы то ни было, я никогда не дойду до такой слабости, чтобы сказать вслух об этом.

Входит Раули.

Раули . Мое почтение, сэр Питер. Как поживаете, сэр?

Сэр Питер . Прескверно, мистер Раули, прескверно. У меня одни огорчения и неприятности.

Раули . Что же такое случилось за один день?

Сэр Питер . Задавать такой вопрос женатому человеку!

Раули . Но не может же ваша супруга быть причиной ваших огорчений?

Сэр Питер . Как? Вам кто-нибудь сказал, что она умерла?

Раули . Вот, вот, сэр Питер, вы же ее любите, хоть вы и не совсем сошлись характерами.

Сэр Питер . Она одна во всем виновата, мистер Раули. Я — кротчайший человек в мире и ненавижу людей с тяжелым характером; я ей это повторяю по сто раз в день.

Раули . Скажите!

Сэр Питер . Да, и что особенно странно, во всех наших спорах всегда неправа она. А лэди Снiruэл и вся компания, с которой моя жена встречается в ее доме, еще больше подстрекают ее. В довершение всего, Мария, которой я все равно что отец, вздумала тоже бунтоваться против меня. Она решительно отказывает человеку, которого я, ее опекун, давно наметил ей в мужья. Она, кажется, хочет выйти за его беспутного брата.

Раули . Вам известно, сэр Питер, что я всегда брал на себя смелость не соглашаться с вами во взглядах на этих двух юношей. Смотрите, не ошибитесь в своем мнении относительно старшего. За Чарльза — я головой ручаюсь, что он еще загладит все свои грехи. Его достойный отец, когда-то — мой уважаемый господин, был таким же гулякой в молодые годы; однако после его смерти не осталось ни одного хорошего человека, который бы его не оплакивал.

Сэр Питер . Вы неправы, мистер Раули. Вы знаете, после смерти их отца я был их опекуном до тех пор, пока они не стали преждевременно независимы, благодаря щедрости дяди их, сэра Оливера. Уж, конечно, никто не имел больше меня случаев оценить их сердце, а я во всю свою жизнь никогда не ошибался. Джозэф — это прямой образец для наших молодых людей. Он человек

высокой морали и живет согласно моральным правилам, которые исповедует. А другой... Даю вам слово: если он унаследовал хоть зерно нравственности, то уж давно промотал его вместе с прочим наследством. Да, старый друг, сэр Оливер, будет глубоко огорчен, когда поймет, как плохо воспользовались его щедростью.

Раули . Мне очень жаль, что вы так строги к этому юноше. Теперь в судьбе его наступает кризис. Я явился к вам с новостями удивительными.

Сэр Питер . Вот что? Послушаем.

Раули . Приехал сэр Оливер. В эту самую минуту он уже в Лондоне.

Сэр Питер . Что вы? Вы меня изумляете. Я думал, что в этом месяце вы его приезда никак не ждали.

Раули . Я и не ждал: его путешествие кончилось удивительно скоро.

Сэр Питер . Ей-богу, я буду очень рад увидеть старого друга. Ведь целых шестнадцать лет мы с ним не видались. Немало дней провели мы вместе... И что же, он пока не извещает племянников о своем приезде?

Раули . И извещать запретил строго-настрого. Он хочет сначала подвергнуть некоторому испытанию их характеры.

Сэр Питер . О, для того, чтобы оценить

их по достоинству, никаких хитростей не нужно; впрочем, пусть его делает, как знает. Известно ему, что я женился?

Раули . Да, — и он скоро явится сюда поздравить вас.

Сэр Питер . Ну, это то же, что пить за здоровье человека, больного чахоткой... Ах, и посмеется же надо мной Оливер! Бывало, мы вместе издевались над браком, и он остался верен себе. Так, значит, он скоро будет у меня? Пойду распорядиться относительно его приема. Только прогнуйте вас, мистер Раули: пожалуйста, ни слова насчет того, что лэди Тизл и я... иной раз, случается... поспорим...

Раули . Будьте спокойны.

Сэр Питер . Я не перенесу насмешек старика Нолля. Заставлю его думать, — прости мне, господи! — что мы очень счастливая парочка.

Раули . Понимаю вас. Но в таком случае, пока он будет здесь, вы должны остерегаться всяких размолвок с женой.

Сэр Питер . Должны — ей-богу, так. Но как раз это и невозможно. Ах, мистер Раули, когда старый холостяк берет себе молодую жену, то его бы за это... впрочем, нет, — преступление в самом себе несет и наказание. (*Уходит.*)

Действие II

Сцена I

Комната в доме сэра Питера Тизл.

Входят сэр Питер и лэди Тизл.

Сэр Питер . Лэди Тизл, лэди Тизл, я не потерплю этого!

Лэди Тизл . Сэр Питер, сэр Питер, терпите или не терпите это, как вам угодно, но я все должна делать по-своему — и буду, буду делать! — понимаете? Хоть я и воспитывалась в деревне, но отлично знаю, что замужние светские женщины в Лондоне никому не обязаны отчетом в своих действиях.

Сэр Питер . Очень хорошо, сударыня, очень хорошо! Значит, муж не должен иметь никакого влияния, никакой власти?

Лэди Тизл . Власти? Разумеется — нет. Если вам хотелось власти надо мной, вам бы следовало удочерить меня, а не жениться на мне: вы достаточно стары для этого.

Сэр Питер . Стар! Вот она где самая суть! Хороню, хорошо, лэди Тизл, своим характером вы можете сделать мою жизнь несчастной, но я не хочу разориться от вашего мотовства.

Лэди Тизл . Мотовства! Я уверена, что трачу не больше, чем прилично светской женщине.

Сэр Питер . Нет, нет, сударыня, вы не будете больше бросать денег на такую безумную роскошь. Ну, жизнь! Зимой убирать свой будуар цветами! Тратить на это столько, что на эти деньги можно бы превратить Пантеон в оранжерею или устроить маевку на Рождестве!

Лэди Тизл . Сэр Питер, разве я виновата, что зимою цветы дороги? Браните климат, а не меня. Я, конечно, хотела бы, чтоб весна была круглый год и розы росли у нас под ногами.

Сэр Питер . Ох, сударыня, если б вы для этого родились, я не дивился бы таким речам. Но вы забываете, каково было ваше положение в свете, когда я женился на вас.

Лэди Тизл . Нет, нет, я не забываю, оно было очень неприятно, а то бы я никогда не вышла за вас.

Сэр Питер . Да, да, сударыня, тогда вы были куда скромнее — вы были просто дочерью бедного помещика! Припомните-ка, лэди Тизл: когда я увидел вас в первый раз, вы сидели за пяльцами в простеньком холщевом платье, со связкой ключей у пояса, с гладко причесанными волосами, а ваша комната была увешана цветами из шерсти вашего вязанья.

Лэди Тизл . О, да! Я помню это очень хорошо. И забавную же я жизнь вела тогда! Мне приходилось смотреть за молочной фермой, за птичьим двором, делать выписки из семейной книги рецептов и чесать собачонку тети Деборы.

Сэр Питер . Да, да, сударыня, именно так и было.

Лэди Тизл . А мои вечерние развлечения! Делать выкройки для рукавчиков, которых не из чего было шить; играть в карты с приходским священником; читать что-нибудь «духовное» тетке или бренчать на разбитых клавикордах, чтобы усыпить отца после охоты за лисицей.

Сэр Питер . Я очень рад, что у вас такая хорошая память. Да, сударыня, и вот от таких развлечений я избавил вас; а теперь вам нужно карету *vis-à-vis* и троих напудренных лакеев и летом пару каких-то белых котят, а не лошадей, чтобы ездить в Кэнсингтон-Гарден. Похоже, вы уж забыли, как тряслись верхом на кляче, да и на этой кляче вы сидели вдвоем — с своим ключником.

Лэди Тизл . Нет, клянусь, этого никогда не было! Никакого ключника и никакой клячи!

Сэр Питер. Да, сударыня, вот какое было ваше положение. А что я сделал для вас? Я сделал вас женщиной светской, богатой, знатной — словом, я сделал вас своей женой.

Лэди Тизл . Прекрасно, теперь, чтобы довершить благодеяния, вам остается только...

Сэр Питер . Оставить вас вдовой, я полагаю?

Лэди Тизл . Гм! Гм!

Сэр Питер . Благодарю вас, сударыня, — но не обольщайтесь этой надеждой; хотя ваше поведение и нарушает мое душевное спокойствие, но оно не разобьет мне сердца, это я вам могу обещать. Во всяком случае, позвольте поблагодарить вас за намек.

Лэди Тизл . Вольно же вам делать мне такие неприятности и попрекать меня грошами, истраченными на какую-нибудь элегантную вещь.

Сэр Питер . Ну, жизнь! Слушайте, сударыня, а были у вас эти элегантные расходы, когда вы выходили за меня замуж?

Лэди Тизл . Боже, сэр Питер, неужто вы хотели бы, чтоб я отстала от моды?

Сэр Питер . От моды, скажите на милость! Много вы думали о моде до вашего замужества?

Лэди Тизл . Я думала, вы сами не прочь, чтоб вашу жену считали за женщину со вкусом.

Сэр Питер . Тоже... со вкусом! Довольно, сударыня! Никакого у вас не было вкуса, когда вы выходили за меня.

Лэди Тизл . Вот уж это, сэр Питер,

совершенно верно. Да, я согласна: раз я вышла за вас замуж — я не имею никакого права говорить о вкусе. Ну, а теперь полагающуюся на сегодня по расписанию ссору мы уже кончили, и я, пожалуй, могу отправиться к лэди Снизуэл, — мы с ней условились.

Сэр Питер. Еще бы — это очень важно! Ну, и очаровательный же круг знакомства вы завели себе!

Лэди Тизл. Сэр Питер, это люди богатые и знатные, и они очень дорожат своей репутацией.

Сэр Питер. Да уж — своей репутацией они дорожат, и, должно быть, поэтому они не терпят, чтобы у кого-нибудь, кроме них, было честное имя: таким они мстят. Этакая шайка! На эшафот идут бедняки, сделавшие куда меньше зла, чем все эти сплетники, ябедники, клеветники.

Лэди Тизл. Как? Вы хотели бы ограничить свободу слова?

Сэр Питер. Ох, вы стали не лучше, чем все прочие из этой компании.

Лэди Тизл. Что ж, надеюсь, что я выполняю свой долг там с достаточным милосердием.

Сэр Питер. Да уж — с милосердием!

Лэди Тизл. Но я же не желаю никакого зла людям, о которых злословлю: если я и говорю

что-нибудь дурное, так это бывает просто потому, что у меня хорошее настроение; и я не прочь, чтоб и со мной поступали точно так же. Однако, сэр Питер, вы ведь обещали также быть у лэди Снизуэл.

Сэр Питер . Хорошо, хорошо, я зайду, хотя бы для того, чтобы защищать свою репутацию.

Лэди Тизл . В таком случае, поторопитесь, иначе будет поздно. До свидания.
(Уходит.)

Сэр Питер . Нечего сказать — много я выиграл своими наставлениями! Однако, как очаровательно противоречит она каждому моему слову и как мило высказывает свое презрение к моей власти. Что ж, пусть я не могу заставить ее любить меня, но зато какое это удовольствие — ссориться с ней! И мне кажется, она никогда не бывает так хороша, как в такие минуты, когда она старается всячески мучить меня. (Уходит.)

Сцена II

Комната в доме лэди Снизуэл.

Лэди Снизуэл, м-с Кэндэр, Крэбтри, сэр Бэнджамэн Бркбаит и Джозэф Сэрфэс.

Лэди Снизуэл . Нет, мы непременно хотим ее услышать!

Джозэф Сэрфэс . Да, да, эпиграмму!
Непременно!

Сэр Бэнджамэн . Да ну ее... Это просто пустяк!

Крэбтри . Нет, нет; ей-богу, для экспромта это очень умно.

Сэр Бэнджамэн . Но тогда прежде всего вам следует познакомиться с обстоятельствами дела. В один прекрасный день на прошлой неделе лэди Бэтти Кэррикл¹² пускала пыль в глаза в Гайд-Парке своим миниатюрнейшим фаэтоном; она увидела меня и попросила написать стихи в честь ее пони. Я вынул мою записную книжку и в один момент написал следующее:

Ничьи еще пони меня так не трогали:
Другие, как хамы, а эти, как щеголи.
Никто не оспорит моей правоты:
Так стройны их ноги и длинны хвосты.

Крэбтри . Вот, лэди, написал — как хлыстом, а? И вдобавок — сидя верхом на лошади!

Джозэф Сэрфэс . Ну, сэр Бэнджамэн, вы — прямо-таки Феб верхом на Пегасе!

Сэр Бэнджамэн . Что вы, сэр! Это такие пустяки!

---

¹² «Кэррикл» — двухколесный экипаж.